

АНДРЕЙ ЯДРЫШНИКОВ

рассказики

16+

Андрей Ядрышников
Заводные рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ядрышников А.

Заводные рассказы / А. Ядрышников — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Хорошему рассказчику не мешает отсутствие кораблекрушений, извержений вулкана, ночных дискотек соседей снизу и перестрелок. Захватывающе-интересную историю можно приметить где угодно — трудовые будни просто кишат приключениями. Весёлыми, грустными, страшными, озадачивающими. "Когда я работал на заводе..." — этими словами начинается немало увлекательных баек автора (кто знаком лично, не даст соврать). Самые лучшие составили данный сборник. Внимание: всё изложенное в книге — истинная правда! Внимание: имена героев изменены, а все совпадения являются случайностью.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
САМОЕ НАЧАЛО	6
Я ВАМ ПИШУ...	9
ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАССЕ?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Ядрышников

Заводные рассказы

ОТ АВТОРА

– Или вот, к примеру, писатели, – сказал Паша как-то, дую на горячий чай в своей кружке, – Живешь так, живешь, ничего особенного не происходит, а они посмотрят, опишут, потом читаешь – интересно! Умеют же...

Дело происходило в отделенном ситцевой занавеской уголке пропылено-промасленного, пахнущего гарью и соляжкой маленького цеха некоего опытного заводика. Лампы под когда-то беленым бетонным потолком не сколько освещали пространство, сколько создавали уютный полумрак, обыкновенный для таких помещений. Остановленные нами станки величественно хранили молчание, а треснутый радиоприемник (надежная связь с внешним миром в догадже-товскую эру), стоящий на кособоком сейфе возле стола что-то обиженно кашлял – наконец-то его стало слышно.

Мы совершали ежедневный ритуал обеденного перерыва – самый лакомый кусок рабочей смены. Время, когда стальной грохот и механическая круговерть уступают место задушевному беседам под стук ложек и шелест крошек (точнее, полиэтиленовых пакетов с крошками), когда жизнь кажется не такой уж мрачной и утомительной, а обычный хлеб с маслом наоборот – невероятно вкусным.

Ни Паша, ни я тогда даже и подумать не могли, что одному из нас в будущем придется заняться нелегким, но увлекательным писательским ремеслом. И уж коли этим «одним» стал я, то мне и держать ответ. Расскажу, что могу... то есть могу. Что вспомнится из моей небогатой производственной биографии. Может хоть кому-то это покажется интересным. А кому-то и вовсе поучительным. Впрочем, на последнее я и не претендую: не собираюсь поучать. А также хвастаться и жаловаться. Просто поделюсь воспоминаниями.

Зря, что ли все это со мной случилось?

Именно под таким девизом и написаны эти «Заводные рассказы». Конечно, правильнее было бы назвать их «заводские» или, по крайней мере «завОдные», но, как пелось в одной некогда известной песне (которую вы, скорее всего не знаете) «таков мой каприз». Захотелось назвать позаковыристее. Чтоб привлекло максимум внимания. Надеюсь, что мой замысел удался. Кто-то же читает сейчас эти строки?

В общем, наливайте чай, запасайтесь бутербродами и начнем.

Кстати, у писателей обеденного перерыва (от творческих мук) не бывает.

САМОЕ НАЧАЛО

Посвящается гаечному ключу 10x12

Знакомство с заводской жизнью для меня началось с неизвестного доселе слова «карантин». Именно так назывались обстоятельства, по которым нас с папой одним прекрасным утром не пустили в детский сад. И не только нас – вообще никого не пустили. Дверь была заперта, а на ней – объявление.

«Оп-па!» – сказал папа, прочитав написанное на бумажке слово, – «Карантин. Здорово придумали! И главное вовремя...». Он призадумался и пожал плечами: «Делать нечего, пойдем со мной. Куда теперь деваться?», а потом прибавил: «Хорошо, что сегодня я тебя повел – у мамы-то строго: посторонних не пускают». Папа взял не верящего своему счастью меня за руку и повел прочь от детсадовского крыльца. К себе на работу. На завод.

Вообразите масштаб моей радости!

Еще каких-то пять минут назад ты обреченно плелся навстречу унылой рутине, состоящей из противной (без разницы какой) каши на завтрак, разучиванию не самых восхитительных на свете песен, малосодержательных прогулок (что за игры под присмотром воспитателя?) и сидения на стуле для наказанных (чем обычно и заканчивались мои игры на прогулке), а тут – «оп-па!» и все круто изменилось! Мы ехали в троллейбусе, взбирались на железный мост, брели вдоль высоких бетонных заборов, над которыми высились дымящие кирпичные трубы – совсем другое дело! Настоящее приключение.

Вход на папин завод лежал через самооткрывающиеся железные ворота, но мы почему-то прошли через маленькую стоящую возле ворот будку, где сидел веселый усатый дедушка в очках и теплой тужурке (это в июне-месяце!). Дедушка хитро подмигнул мне и спросил у папы:

– Устраивать привел?

– Ага, – не растерялся папа, – Помощником.

Между прочим, я уже тогда знал, что «помощник» – это такая профессия. Папа работал на заводском тепловозе, а экипаж каждого тепловоза состоит из машиниста и помощника. Так-то.

Тепловоз находился недалеко от входа: пройдешь мимо самого большого здания («заводоуправление» – как сказал папа), повернешь налево и вон он – виднеется из-за угла цеха. Стоит на причале (точнее на рельсах), гордо, как крейсер «Аврора».

Едва я увидел тепловоз, как понял, что всю свою сознательную жизнь мечтал в него залезть. И папа, понятное дело, не возражал. Только сказал, чтобы я был поосторожнее и не падал лишний раз. Но это он напрасно: я и сам знал, что падать – занятие не из приятных. Тем более на черные промасленные шпалы. Так что забирался осторожно. Хотя ступеньки для пятилетнего «пассажира» оказались крутоватые. Если бы не блестящие гладкие поручни – ни в жизнь не одолеть.

В кабине меня ждала не менее впечатляющая картина. Оказывается, машинист должен управлять тепловозом стоя! Я догадался об этом, когда увидел огромный, во всю кабину, пульт, усеянный кнопками, тумблерами и приборами – с круглого сиденья, расположенного возле окна (рядом с могучими алыми стоп-кранами), до всего не дотянешься. А со второго, дальнего и подавно. Поэтому хочешь – не хочешь, а потоптаться за управлением придется. Ну да это даже интересно. Вон, капитаны тоже стоят и ничего – не жалуются.

– Ну как ты тут? – спросил папа.

Он успел переодеться в черную рабочую куртку, на рукаве которой красовалась ромбовидная нашивка с таинственным словом «Минмонтажспецстрой» и не менее таинственным

узором. Следом в кабине появился дядя Петро – папин машинист (он как-то бывал у нас в гостях).

– О, какие люди пожаловали! – прорычал дядя Петро, – Поехали, в девятый вызывают. Это уже адресовалось папе. И мы поехали.

Сказать честно, маршрут тепловоза меня немного разочаровал. Не успев как следует разогнаться, мы почему-то тормозили, останавливались и после того, как папа, спрыгнув на землю, куда-то отлучался, ехали обратно (разумеется, дождавшись папиного возвращения). «Таким Макаром мы далеко не уедем» – подумалось мне уже на второй остановке. И как в воду глядел: тепловозное «туда-сюда» продолжалось весь день. Но никого кроме меня это не беспокоило. А ведь не ерзай мы по территории завода, давно бы уж до бабушки домчались. Или еще дальше. До какого-нибудь Каменска-Уральского. А тут прицепляй да отцепляй... И чего эти вагоны из цеха в цех катать?

Впрочем, не особенно я и скучал. В тепловозе не соскучишься: выглядывал в приоткрытую дверь на полном ходу, следил как папа или дядя Петро управляют с пультом... Мне даже дали пару раз нажать на кнопку гудка. Гудок у тепловоза, кстати, почти как у парохода. Такой же басовитый. А может и погромче будет. Уже потом, когда папа сам стал машинистом, он однажды рассказал дома, как они со своим помощником чинили сломавшийся гудок. По окончании ремонта помощник с крыши кабины, крикнул папе: «Ну-ка гудни, проверим, сработает или нет». И папа гуднул. «Совершенно автоматически» – смеялся он, вспоминая, – «Оба не сообразили, а оно как свистнет – Олега чуть с крыши не сдуло». Случай – ухочешься. Надеюсь, папин помощник не успел приложить к гудку ухо.

Да, веселых историй на заводе хватало. Там вообще все люди очень веселые. По крайней мере, те, кто приходил нас попроведовать. Дяденьки в замасленных костюмах и кирзовых ботах ловко заскакивали в кабину и с порога начинали шутить. А заметив меня, спохватывались и впредь разговаривали потише и поосторожнее. Выбирая выражения. Смешные. Я ж не маленький – у нас в средней группе некоторые товарищи и не такое говорили.

А какая на заводе душевая! Хоть слона приводи!

А столовая! Светлая, просторная, окна нараспашку – садись за какой хочешь столик, ешь все, что понравится. А не то, что принесут. И доедать никто не заставляет (хотя, если выбираешь еду сам, то доесть не проблема). Прямо как дома! Только интереснее: на входе каждый берет себе пластмассовый поднос и идет к раздаче, где веселые повара наливают и накладывают все, что ни попросишь. Хочешь – суп, хочешь – пюре, а хочешь – просто котлету. Без гарнира. А еще там были булочки, коржики и беляши – на выбор. В детском саду мы могли выбирать только компот. В смысле, какой стакан тебе достанется. И всем, как назло, хотелось тот, где плавал инжир. А таких на всю группу выпадало максимум парочка. Прямо ажиотаж. Как дойдет до компота, бежим наперегонки. Инжир отвоевывать. Схватишь стакан, а кто-нибудь пронырливый – хоп! – и сунет в него палец. Приходится отдавать, как ни обидно. Не пить же после такого? Где этот палец за день побывал? Когда у меня так отобрали компот, я рассердился и в следующий раз сделал то же самое. Но вместо инжира получил разгоняй от воспитательницы (странно, что аналогичные проделки других она не замечала). В наказание мой «испорченный» компот торжественно вылили в унитаз, а я после обеда был откомандирован на стул наказанных.

В заводской столовой, конечно, никто компотами не отбирался. Их тут было много: дождись своей очереди и бери любой, какой душе угодно. А не хочешь компота – пей квас. Недалеко от столовой, прямо на улице стояла бочка с квасом и добрая тетенька, сидящая возле нее, угощала всех желающих бесплатно! «У нас так каждое лето делается» – сказал папа, когда мы после обеда выпили по кружке кваса (я чуть не лопнул, но все-таки справился). Надо же, как здорово придумано!

А еще в одном из цехов стоял бесплатный автомат с газированной водой! В него не надо было бросать монетки, просто нажимаешь кнопку и подставляешь стакан. Правда, газировка наливалась без сиропа, но разве это причина для огорчения? Без сиропа даже полезнее – минералка получается.

Короче, заводская жизнь мне определенно нравилась.

К тому же меня здесь не заставляли спать среди бела дня. А это тоже немало.

По утрам маме уже не приходилось уговаривать меня проснуться, я вскакивал от первой побудки. Умывался, завтракал и с радостью (не то, что раньше) отправлялся навстречу новым интересным открытиям. И встретиться мне кто-то из знакомых, я бы гордо сообщил, что иду не куда-то там, а на настоящий завод. Вот.

Но блаженная пора, как это всегда случается, длилась недолго. Через несколько дней карантин закончился, и я снова вернулся на свою каторгу. В смысле детский сад.

И потом не раз, сидя наказанным за проступки или задержанным после обеда за недоедание капусты из борща, вспоминал беззаботные дни на папином заводе. Не скажу, что я решил, обязательно пойти туда работать, когда вырасту. Нет. Я собирался стать либо скульптором, либо благородным разбойником, но завод все равно произвел на меня самое благоприятное впечатление.

Странное дело!

Когда двадцать лет спустя я стоял, не в углу, конечно, а перед разгневанным начальником производства, который отчитывал нас со Стасом за нечаянно разбитое стекло в комнате мастеров, то гневное предложение: «Может вас в детский сад отправить, чтобы наигрались?» вызвало у меня жестокий приступ ностальгии. Чуть было не согласился.

На самом деле! Наигрался бы вволю. Начитался, напелдничался и главное насончасился. И пусть бы наказывали хоть каждый день. Тоже мне, проблема...

Я ВАМ ПИШУ...

Следующее, более подробное внедрение в заводскую жизнь у меня произошло во время институтской практики. Практика для студентов – обязательное мероприятие: будущим инженерам еще во время учебы следует личными глазами увидеть, своими руками потрогать и, грубо говоря, на собственной шкуре почувствовать, что это за зверь такой – производство. Ведь после окончания института каждому из нас предстояло иметь с ним дело. И важно было, чтобы мы пришли на работу не желторотыми неумейками, а готовыми, пускай молодыми, но, тем не менее, специалистами – здоровый и единственно правильный подход, надо сказать.

Только вот момент, когда нам выпало это знакомство, оказался не самым удачным. В стране бушевали легендарные «девяностые» со всеми своими «аксессуарами»: малиновыми пиджаками «новых русских», пейджером продвинутого гражданина, потоком рекламы по телевизору и зарубежными сладостями, которыми круглосуточно (еще одно новшество) торговали в бесчисленных ларьках и «комках». Предприятия останавливались, зарплата задерживалась, цены росли, люди осваивали новые профессии – «челнок», «браток», «менеджер»... Кругом царил такая неразбериха, что планировать даже ближайшее будущее казалось занятием бессмысленным.

Но жизнь продолжалась. Во многом благодаря тем, кто верил в лучшее и стремился сохранить существующий порядок, не боясь выглядеть в глазах современников отсталыми «белыми воронами» (это еще мягко выражаясь). Так что вопреки вышеописанному хаосу, студенты нашей кафедры были откомандированы проходить практику на большом производственном комбинате. Ситуация здесь была как везде: завод барахтался словно выброшенный на берег кит (мощности хватает, а куда двигаться – не понятно). Поэтому начальники цехов, в которые нас распределили небольшими кучками восторг от такого «подарочка», само собой не испытали. Какой может быть восторг, когда своих людей порой занять нечем?

– Что ж мне с вами делать? – озадаченно сказал доставшийся нам с Пашей руководитель, когда мы, оформив пропуска и прочие документы, явились к нему вестниками новых проблем, – Заботушка елки-палки. Вам же станки нужны... ЧПУ....

Действительно, идеальным вариантом практики для нас считалась работа на станках с числовым программным управлением.

– Не могу я сейчас к ним поставить, – он потер наморщенный лоб, – Заказ срочный. Некогда обучением заниматься.

Мы молчали. Потому как ничем помочь не могли. Единственный совет, который лично я мог бы дать это разве что отпустить нас подобра-поздорову догулять каникулы. На дворе стоял август – последний месяц перед началом учебы и я с удовольствием провел бы его по своему разумению. Вместо того чтобы пять дней в неделю вставать в шесть утра и мчаться на другой конец города. Да вот кто ж на такое согласится? Им надо выполнять распоряжение дирекции предприятия, нам – пройти обязательную после третьего курса практику. Круговые обязательства.

– Не знаю, не знаю, – размышлял несчастный начальник цеха, и вдруг радостно встрепенулся, – О! Слушайте, а помогите нам ремонт в столовой закончить? Там всего-то осталось мусор вывезти да потолки побелить. Затем и про ЧПУ поговорим. А, парни? Денег заплатим! На станках вам столько не заработать.

Этот довод показался самым убедительным. По точному расчету одного институтского умника нашей некогда достойной стипендии при изменившихся ценах стало хватать ровно на два «сникерса». Разве это карманные средства? При таких доходах ни себя порадовать, ни родителям на хозяйство добавить. А я видел, с какими растерянными лицами они приходили с работы в последнее время.

Кто тут откажется от верного заработка?

Да хоть полы драить! В принципе, на нечто подобное мы и согласились.

Единственное, что смущало – это, как рассказывать товарищам о том какую именно практику мы будем проходить. Ведь они-то, поди, настоящим делом занимаются. Осваивают, постигают, изучают, опыта набираются...

Ха-ха!

Буквально на следующий день выяснилось, что из всей нашей студенческой ватаги доступ к станками получило всего лишь два человека! Прочим же был предложен не более квалифицированный труд, чем нам с Пашей: грузить, возить да перетаскивать. И никто не видел в этом трагедии. Скорее наоборот – бахвалились, у кого больше шансов заработать. Так что я отбросил все переживания и с чистой совестью ощутил себя частицей могучего заводского коллектива. В конце концов, любой труд почетен, когда стараешься на совесть. А ЧПУ куда не убегут. Как столкнемся, так и разберемся.

Итак.

Территория комбината была огромной – целый город. Дорога от проходной до нашей столовой (далеко не единственной здесь) занимала добрый десяток минут. И располагалась она (столовая), между прочим, не на задворках, а почти в самой середине заводской площадки!

Каждое утро центральную аллею, обрамленную клумбами, деревьями и фонарными столбами на которых крепились репродукторы, транслирующие объявления и жизнеутверждающую музыку, заполняли пришедшие на смену заводчане. Гомонящий людской поток, направляясь по асфальтовому руслу, постепенно разбежался во все стороны тонкими ручейками, пока полностью не исчезал в цехах. Идущие смеялись, приветствовали друг друга, делились планами на день – вот где познавался смысл выражения «на работу, как на праздник»! Участвуя в такой демонстрации, автоматически начинаешь чувствовать подъем духа и желание трудиться так, чтобы душа пела. И чтобы вокруг обязательно – огненные искры, грохот металла и улыбающиеся лица товарищей. И у каждого в глазах уверенность. Уверенность в правильном выборе своего пути, в завтрашнем дне и вообще в победе всего доброго, честного и справедливого. Именно так обычно показывалась заводская жизнь в кино.

Впрочем, я отвлекся.

Работой столовой заведовала невысокая, крепко сбитая мощноголосая женщина в белом халате и высоком белом (кокарда бы не помешала) колпаке.

– Надеюсь, сработаетесь, – усмехнулся наш провожатый, прежде чем спешно удалиться.

– Хлопчики пожаловали, – умилилась заведующая, – Ремонт делать будете?

В качестве согласия мы, вздохнув, дружно потупили взоры.

– Дверь в моем кабинете надо покрасить, – женщина резко сменила тон на командно-деловой, – Пойдем, краску выдам.

Помимо краски она выдала нам кисти и неукоснительные распоряжения:

– Красить здесь: это и это. Можно не торопиться – главное качество.

Короче, обычные требования. Ничего сверхъестественного.

Мы приступили к работе. Язык от усердия, как это обычно делают рисующие дети, я, конечно, не высовывал, но стараться – старался. Минут через пятнадцать заведующая вернулась:

– Ну как дела?

– Вот, – я не без гордости указал кистью на почти докрашенную одну сторону двери.

– Так мало? – лицо женщины исказилось смесью презрения и негодования, – Вы что, до утра собираетесь с ней возиться? Знала бы, что так долго – другим поручила.

И не дожидаясь, когда мы оправимся от пережитого изумления, ласково добавила:

– Да ладно. Ничего. Красьте сколько хотите. Главное, чтоб хорошо получилось.

– Странная какая-то, – пожал плечами Паша, когда заведующая удалилась.

Паша – такой, нахлобучь ему на голову банку с краской, он и тогда бы не растеряет своей уникально-флегматичной рассудительности. Однажды он рассказал мне, как отбивался от сорвавшейся с цепи собаки (читать неспешно-заунывным голосом):

– Ну, как-как? Порвала весь пакет, которым я прикрывался. Ну что делал? Ногами отмахивался, пока сторожиха не прибежала...

И все подробности.

В общем, Паша повел себя как всегда, а я пришел в состояние легкого шока средней тяжести. Оставалось только загадывать, какие сюрпризы в будущем нам готовит начавшееся сотрудничество.

Однако больше сюрпризов не случилось. После безоговорочной победы над дверью нам поручили белить потолок в обеденном зале столовой, а заведующая переключила свое кипучее внимание на бригаду рабочих завода, которые занимались отоплением (вещь более значимая как-никак). К тому же эти товарищи были не нам чета, постоять за себя могли: огрызались – аж стены сотрясались. В общем, более интересные собеседники. Так что мы оказались представленными самим себе. Что лично меня очень даже устраивало – я предпочитал белить без подсказчиков и критиков. Тем более что опыт уже имелся: еще в школьные годы мы с другом Вовчиком однажды побелили потолок нашего классного кабинета в качестве летней отработки.

Славное было времечко!

Когда классная руководительница сделала нам это предложение, мы, помнится, согласились не раздумывая. Еще бы! Получить такую неординарную работу со свободным графиком вместо унылой поденщины! Проклятой прополки и дурацкой поливки на пришкольном участке, идиотского оттирания пятен краски с линолеума в классах – ФУ! В смысле – УРА! Одно дело, когда ты подневольный батрак, а другое – сам себе хозяин (с ключом от кабинета)! Не отработка – праздник! И задача подготовить класс к первому сентября казалась нам плевым делом. Да хоть к первому июля! Хотя, к первому июля мы, откровенно говоря, не успели. И к первому августа тоже – долгой вышла история.

Первую неделю наши походы в школу были ежедневными: мы укрывали старыми газетами лампы и окна, испытывали технические возможности пылесоса (по инструкции он вполне мог использоваться для побелки потолков). Правда, от пылесосных услуг в итоге пришлось отказаться, так как он распылял известь (точнее сказать плевался ею) неравномерно и вообще оказался трудноуправляемой штукой. Последнее выяснилось, когда я случайно побелил Вовчику лицо. Так вот, если сначала мы приходили в школу ежедневно, то потом стали забегать по настроению. Причем не обязательно для работы: недоремонтированный класс стал нашим летним штабом, где можно было поиграть в карты с друзьями, посидеть на подоконнике второго этажа ногами наружу и просто скоротать время в душевных беседах. И лишь когда это время стало дико поджимать (каникулы имеют неприятное свойство подходить к концу), мы экстренно принялись за ремонт. В спешке забыв застелить газетами пол, отчего он побелился куда лучше, чем потолок. И все последнюю неделю августа мы старательно, но тщетно пытались его отмыть. Коварная штука эта известка: вымоешь пол начисто, любо-дорого посмотреть – вернешься назавтра, а он снова белее потолка. Издевательство! Но благодаря упорному труду (классного руководителя в том числе) к октябрю пол в классе окончательно избавился от белых пятен.

Так что шишек на побелке я набил предостаточно и потому мог считать себя экспертом в данном вопросе. Полученный опыт мне действительно пригодился – первым делом перед побелкой мы застелили бумагой пол. Суть дальнейшей работы заключалась в следующем: мы разводили в большой посудине известь, опускали в нее шланг от насоса, после чего коренастый Паша начинал качать, а я, как самый высокий из нашей бригады, управлял трубкой с распылителем, стараясь равномерно покрывать потолок брызгами: справа – налево, слева – направо. Задача с точки зрения инженерных наук, конечно, простоватая, но зато мы сразу

видели результаты своих усилий, а это, как известно, – неплохой стимул для работающего. В общем, не затоскуешь.

Тосковать в столовой досталось местным работницам: поварам, мойщицам посуды (какие там еще бывают профессии?). Ремонт отнял у них привычные обязанности, вручив взамен тряпки, швабры и кучу следов от законченных работ, которые (следы, разумеется) требовалось уничтожить. Есть от чего прийти в отчаяние? Ну а тяжелее всего этим любознательным и компанейским женщинам давалось отсутствие ежедневного общения с посетителями. Попытки контактировать с ремонтниками облегчения не приносили – тем хватало своих проблем, а также общества заведующей, и длительные беседы не завязывались. Мы с Пашей, очевидно в расчет не брались. В итоге единственным развлечением несчастных стали ежедневные неистовые выяснения отношений между собой. Кстати, именно в девяностые годы эта процедура получила название «разборки».

«Разборки» – лучший способ избавиться от накопившегося напряжения!

Как в любом творческом коллективе (или солдатском строю), здесь также была своя «запевала» (или «заругала»?). Бессменная и общепризнанная. Со своей задачей она справлялась отлично, хотя и несколько однообразно: все ссоры начинались с поиска тряпки, в пропаже которой обвинялась какая-либо из компаньенок. Причем делалось это безапелляционно и во всеуслышание. Обвиняемая, естественно возмущалась напраслиной и выражала гневный протест. Вот и вся премудрость. Остальным оставалось лишь поддержать ту или иную сторону. В результате мановением ока столовую охватывал неудержимый яростный гвалт.

Входя в азарт, женщины не следили ни за громкостью своих споров, ни за их содержанием. Если в далекие годы моего детства коллеги отца при виде меня осекались на полуслове и впредь старались следить за выражениями, то сейчас наше с Пашей присутствие никого не смущало. То ли мы действительно были такими незаметными, то ли просто выросли и не вызывали смущения.

Накричавшись вдосталь, работницы успокаивались и приходили в мирное расположение духа. Вели себя так, словно никаких разногласий между ними не возникало вовсе. О причинах конфликта не вспоминалось ровно до следующего раза, когда «запевала» вдруг спохватывалась: «ТАК, А ГДЕ МОЯ ТРЯПКА???».

Эта «песня» неизменно продолжалась изо дня в день. В пылу сражений женщины даже не заметили появления новых участников ремонта: столовское сообщество пополнили пижон в белой косынке, завязанной по-пиратски и два его бессловесных товарища. Удостоив меня и Пашу своим одноразовым вниманием, пижон кратко сообщил, что пришел белить столовую и в посторонней помощи не нуждается (товарищи солидарно промолчали). Это заявление как минимум озадачивало. Мы работали здесь достаточно давно, подготовили зал, побелили огромный потолок на один слой, начали заниматься вторым и вдруг оказались лишними? Интересный поворот!

Когда мы сообщили о случившемся своему руководителю, тот устало поморщился:

– А-а-а Семенов... Тоже без работы остался, значит. Ну что теперь? У вас задание есть, белите и не обращайтесь внимания. Пусть делает, что хочет.

Подбодренные, мы вернулись в столовую и, как ни в чем не бывало, принялись за побелку. «Пират» со своей командой, не сказав ни слова, сделали то же самое. Только с другого конца. Так мы и белили один зал двумя бригадами. Мы – с Востока на Запад, они – наоборот. За неделю работы никто так и не начал переговоров (даже при встрече в районе середины потолка) и вообще все вели себя так, словно соперников не существовало вовсе.

Зато работницы столовой в переговоры вступали исправно. Чаще всего это случалось после обеда. Сигналом к побоищу служил все тот же зычный клич: «ГДЕ МОЯ ТРЯПКА?». Иногда, впрочем, он усложнялся: «Я НЕ ПОНЯЛА, ГДЕ МОЯ ТРЯПКА? СКОЛЬКО МОЖНО ГОВОРИТЬ, ЧТОБ НЕ БРАЛИ БЕЗ СПРОСА МОЮ РАСТАКУЮ ТРЯПКУ!». Но сути дела

это не меняло. Женщины откладывали в сторону свои текущие дела и живо включались в обсуждение проблемы. По-прежнему не стесняясь в подборе слов. И никого это, в принципе, не беспокоило.

Ремонт столовой завершился одновременно со сроком нашего пребывания на заводе. ЧПУ, как это понятно, мы освоить не успели. Но бесполезным потраченное время я все же назвать не могу. Во-первых, нам выплатили (между прочим, для кого-то первую в жизни) честно заработанную зарплату. И наш руководитель совершенно не обманул – единственные, кто заработал меньше всех, это те два счастлиwicka, получившие доступ к станкам. Кстати, когда мы с Пашей составляли таблицу выполненных работ, записывая туда помимо прочего объем побеленного потолка, то параллельно нам этот же самый объем записывала в свой таблицу и «пиратская» команда (как такое возможно я не знаю, но нам нашу работу засчитали). А во-вторых, и это, думается, самое главное – нам удалось получить собственное живое представление о жизни производства. Уж что-что, а такое ни в одном институте не узнаешь.

Вот, собственно и все, что я могу рассказать о своей первой производственной практике. Хотя нет...

Под занавес последнего рабочего дня я решил нарушить свою незаметность и все-таки обратиться к работницам столовой. Не то, чтобы я желал делать им замечания или учить жизни, просто захотелось поделиться своим мнением относительно того, что наблюдал на протяжении месяца. Может быть, оно хоть кому-то окажется полезным и поможет исправить недочеты в поведении. И лексиконе. Как знать?

Помня о горячем нраве женщин, я решил сделать это максимально безопасным способом. Написать письмо. Как Татьяна Онегину. Или как Онегин Татьянам. Неважно. Важно было найти способ донести свои мысли так, чтобы это увидели все. И чтобы увидели не сразу, а лишь на следующий день (когда я буду на стопроцентно безопасном расстоянии).

К счастью такой способ нашелся.

Заводская столовая, как и многие другие крупные столовые, была оснащена электрическим транспортером, который служил для перемещения поставленной на него использованной посуды в моечное помещение. Удобная вещь: не надо собирать грязные тарелки по столам, они сами «приедут» на помывку по ползущей резиновой ленте. И лента эта показалась мне идеальным вариантом передачи послания. Написанное на ней мелом письмо, будет регулярно проплывать перед глазами людей, работающих у транспортера, а уж они обязательно созовут к нему остальных. И стереть написанное при надобности проще некуда – достаточно влажной тряпки. И написать можно незаметно – на том участке ленты, который в данный момент находится снизу транспортера.

Лучше не придумаешь!

Улучив момент, я забрался под транспортер с куском мела и вывел:

– Дорогие работницы столовой! Милые женщины! Пишут вам студенты-практиканты, которые делали здесь ремонт. Проработав с вами целый месяц, мы часто огорчались, слушая, как вы ругаетесь друг с другом. И особенно тому, что вы при этом совершенно не жалели окружающих и не стеснялись в выражениях.

Вы лучшие нас знаете, что работа – второй дом. И что за уют в нем главным образом отвечают женщины. Но если женщины будут вести себя как последние оборвы-грубияны, то чего можно ожидать от мужчин? С кого нам, молодым брать пример?

Мы искренне верим, что все вы – хорошие, добрые мамы, прекрасные бабушки и отличные тети. Очень надеемся, что дома вы ведете себя иначе и поэтому искренне желаем вам оставаться такими же положительными и на работе.

Успехов в труде!

Я представил как завтра, в первый рабочий день обновленной столовой после торжественного пуска транспортера мое письмо неспешно явится взорам работниц столовой и удовлетворенно улыбнется.

Интересно, что они сказали?

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАССЕ?

Свою заводскую биографию (взаправду и надолго) я начал через несколько месяцев после прохождения столовремонтной практики. Нежданно-негаданно. Даже для самого себя. Нет, я в принципе подумывал, что неплохо бы устроиться на работу, но... Подумывать это – одно, а подумать и воплотить – совершенно другое. Мечтать можно годами, а делается все одномоментно: раз – и готово. Главное, решиться.

В моем случае все решили сложившиеся обстоятельства: личные намерения совпали с предложением маленького опытного заводика, которому понадобились рабочие-формовщики. Пускай без опыта, лишь бы трудолюбивые и ответственные.

Так мы обрели друг друга.

Трудолюбие я разбудил в себе с первого же появления в цехе (иначе какой смысл идти работать?), а вот ответственность пришла после шикарного разгона от начальника производства за трехчасовое опоздание на смену. Я-то думал, что студентам такие «шалости» простительны (особенно в канун экзаменов). Но доходчивое объяснение руководителя и мои пылающие от стыда уши внесли окончательную ясность в данный вопрос: завод – не игрушечки, взялся за гуж – нечего Ваньку валять¹.

Прочие производственные науки давались еще легче. В самые кратчайшие сроки я обогатил свой лексикон кучей новых красивых и замысловатых терминов: бакелизатор, порошок, криолит. Даже слово «козел» открылось с новой стороны. На производственном языке оно не являлось ругательством, и уж тем более не имело отношения к своенравному рогатому животному.

«Козлом» здесь именовали негодное состояние главного компонента нашей работы – абразивной массы. Масса по всем алхимическим канонам готовилась в железном котле (с кнопкой, мотором и вертящимися лопастями – все-таки не Средневековье на дворе) и представляла собой нечто вроде помеси песка со смолой. Хотя лично мне она напоминала прокрученную сквозь мясорубку халву, щедро посыпанную яичным порошком (такой уж я романтик). Так вот, если замес проходил удачно, получалось то, из чего мы потом благополучно прессовали нашу продукцию. А если нет – «козел».

«Козел» имел три стадии: начинающийся, свершившийся и бесповоротный. Первые два можно было попытаться исправить набором исхитрений с добавлением старой пересохшей массы (подробности опушу – вдруг это производственная тайна?), а последний оставалось только выбросить. Горестно вздохнув по напрасно потраченным силам и израсходованным материалам.

Нетрудно догадаться, что «козел» в нашей работе был случаем крайне нежелательным. Как все аварийные ситуации. Избежать его появления неизменно оставалось главной задачей мешальщика. Точнее мешальщицы – по неизвестным причинам, эта физически трудная профессия считалась женской. Может оттого, что приготовление массы в отличие от работы за гидравлическим прессом (чем занимались исключительно представители сильного пола) больше напоминало кухонные хлопоты? Мешальщице надлежало взвесить и засыпать в котел необходимые ингредиенты, строго учитывая пропорции, очередность и время добавления, а также не проморгать момент готовности «блюда» (иначе схлопочешь «козла»). Далее оставалось выложить еще тепленькую массу на просушку и дочиста отдраить котел мешалки перед следующим замесом. Вуаля!

¹ Свой проступок я искупил выходом на «штрафную» смену утром второго января.

Как неоднократно побывавший в роли мешальщицы², скажу со знанием дела: самым тяжелым этапом замеса являлась чистка котла. Железные скребки регулярно тупились, а размазанные по стенкам остатки массы норовили окаменеть прямо на глазах. Так что вальжничать было некогда – успевай, отскребай. В смену требовалось от трех до пяти замесов, и каждый завершался взмокшей от пота одеждой на спине. Плюс шансом заработать железные мускулы в ближайшей перспективе.

За приготовление массы у нас отвечала Александра Николаевна (Шура, если не официально). Несмотря на свой предпенсионный возраст, Шура выдавала замесы буквально играючи. Отвергая при этом любую предлагаемую помощь. Настоящая некрасовская женщина из русского селенья! В горячую вращающуюся мешалку она бы, конечно, не полезла (руки оторвет и не помилует), а вот остановить начинающегося козла – без проблем.

Шура абсолютно не умела сидеть без дела и между замесами обязательно находила себе занятие: перетряхивала предыдущие массы, что-то подметала, где-то протирала... В нашем крошечном по производственным меркам цехе ее уголок был самым образцовым. Здесь неизменно царили чистота и порядок. Шура с удовольствием взялась бы обихаживать и наши пресса, но каждый раз встречала решительный отпор. Мы ж не изверги! «Шура, не мельтеши» – осаживал ее циник и насмешник Машенин, – «Иди вон, свой бардак контролируй». И сиял железнозубой улыбкой, видя как оскорбленная до глубины души Шура бежит переподметать и перепротирать окрестности мешалки. Машенин всегда точно находил самые быстрые и безотказные способы укротить Шурину активность. Отчего она нередко удалялась в раздевалку, чтобы принять несколько капель валерьянки. С расстройства. Но обид на коллегу не держала. Да и Машенин, честно говоря, задирался не со зла. Такой уж он был человек. Когда в воздухе появлялся запах валерьянки, Машенин криво усмехался и (очевидно считая сражение выигранным) прекращал поддразнивать вышедшую из раздевалки Шуру. До самой следующей смены.

Раздевалкой, кстати, у нас служил угол цеха, отгороженный двумя трехсекционными железными шкафчиками, между которыми трепыхалась натянутая самодельная шторка. Больше двух переодевающихся раздевалка не вмещала. А душевой в цехе и вовсе не было – только раковина с краном, откуда зимой и летом текла холодная вода. Да и сам завод существенно отличался от тех, с какими мне доводилось иметь дело ранее: территория меньше школьного двора, а все здания, включая наше, были приземистые, словно выросшие в землю избушки. Окон они не имели и потому, освещались исключительно электричеством. Воздух нам подавала грохочущая тысячей оцинкованных ведер (о тысячу водосточных труб) вентиляция, без которой при работающей печи выжить не представлялось возможным. Если мы оставляли включенную печь на ночь (вентиляция в таких случаях не требовалась), то первый пришедший на смену должен был совершить поступок, близкий к мужественному: открыв дверь цеха, набрать побольше воздуха в грудь и крепко зажмурившись, ринуться в сизый слоистый туман, где наощупь отыскать и включить заветную кнопку подачи воздуха. Далее следовало пробкой выскочить наружу и слушать, как вентиляция, кряхтя и чертыхаясь, начинает свою работу. Через десять-пятнадцать минут помещение становилось пригодным для жизнедеятельности.

² Рабочие, освоившие несколько профессий, ценятся на любом производстве, между прочим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.